

УДК: 111.32:146(575.2)(04)

Стамова Р.Д.

*доктор философских наук, профессор,
заведующая Отделом социальной философии, эстетики и этики*

Стамова Р.Д.

*философия илимдеринин доктору, профессор,
Социалдык философия,
эстетика жана этика бөлүмүнүн башчысы*

Stamova R.D.

*doctor of philosophy,
professor, head of the Department of social philosophy,
aesthetics and ethics*

*Институт философии им. академика А. Алтмышбаева НАН КР
КР УИА академик А.Алтмышбаев атындагы Философия институту
Institute of Philosophy named after academician A. Altmyshbaev NAS KR*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КЫРГЫЗСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В СОСТАВЕ РОССИИ

КЫРГЫЗ УЛУТЧУЛДУГУНУН РОССИЯНЫН КУРАМЫНДАГЫ

ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

TRANSFORMATION OF KYRGYZ NATIONALISM IN RUSSIA

Аннотация. С началом вторжения Российской империи в регионе начался процесс радикальной трансформации культурного пространства, преобразования затронули цивилизационные основы бытия народов Центральной Азии. Переход от этнического состояния в нацию. О естественной реакции заманистов на быстро и непредсказуемо меняющуюся действительность, где исчезал привычный и понятный порядок вещей.

Ключевые слова: трансформация, досоветский период, кочевой мир, оседлость, Кокандское ханство, заманисты, национализм, культура, цивилизация.

Аннотация. Россия империясынын аймакта басып кириши менен маданий мейкиндикти радикалдуу трансформациялоо процесси башталды, өзгөрүүлөр Борбордук Азия элдеринин болмушундагы цивилизациялык негиздерге тийди. Этникалык абалдан улутка өтүү. Заманисттердин нерселердин тааныш жана түшүнүктүү тартиби жок болгон тез жана күтүүсүз өзгөрүп жаткан чындыкка табигый реакциясы жөнүндө.

Негизги сөздөр: трансформация, совет дооруна чейинки мезгил, көчмөн дүйнөсү, отурукташуу, Кокон хандыгы, заманисттер, улутчулдук, маданият, цивилизация.

Abstract. With the beginning of the invasion of the Russian Empire, the process of radical

transformation of cultural space began in the region, transformations affected the civilizational foundations of the existence of the peoples of Central Asia. The transition from an ethnic state to a nation. About the natural reaction of humanists to the rapidly and unpredictably changing reality, where the usual and understandable order of things disappeared.

Keywords: transformation, pre-Soviet period, nomadic world, settlement, Kokand Khanate, zamanists, nationalism, culture, civilization.

Процедура деления истории республик на досоветскую и советскую были обусловлены главным образом пропагандистско-политическими и идеологическими соображениями, а не стремлением к объективности и беспристрастности в оценке исторических событий. По нашему мнению, кыргызскую историю – в связи с советской ее частью – было бы целесообразней, справедливей и методологически точнее делить на дороссийскую и российскую. Именно с момента вторжения Российской империи на территорию Центральной Азии, и в том числе Кыргызстана, в регионе начался процесс радикальной трансформации культурного пространства, затронувшей, правда, разные народы в разной мере. Однако, преобразования затронули цивилизационные основы бытия народов Центральной Азии и начались они с момента присоединения региона к Российской империи, его административно-политического и военного подчинения царизму. Советский период истории, несмотря на ряд его существенных формальных отличий от царского, тем не менее по своей сути является продолжением российско-европейской истории, которую можно в целом охарактеризовать как попытку индустриальной цивилизации преобразовать традиционную. Разумеется, на момент вторжения России в Центрально-азиатский регион ее нельзя охарактеризовать как целиком индустриальную, но в России на тот момент были уже созданы многие предпосылки индустриальной цивилизации, которые вполне позволяли судить о том, в каком направлении будет в дальнейшем развиваться российская культура. И в этом плане советско-российский период истории представляет собой попытку форсированного индустриального развития, хотя и на иных – нерыночных, не частнокапиталистических – социальных и политико-хозяйственных основах и принципах. Россия, завладев колоссальными по размерам территориями, могла удержать их в своем владении, только

развивая промышленность. В противном же случае территории могли быть отторгнуты более сильным в военном отношении противником, что было для России равноценно потере национального суверенитета. А, как показали итоги Крымской войны 1853–1856 гг., в условиях промышленного переворота в Европе, утверждения там капиталистических наций-государств таким противником могли быть только индустриальные страны. Успешно противостоять им было возможно только будучи промышленной державой. Таким образом, независимо от исторической, культурно-этнической и цивилизационной специфики Россия вынуждена была развивать военное дело, а в условиях жесткой конкуренции с индустриальными европейскими государствами по сути это было тождественно развитию собственной промышленности. Против ружей, пушек и железных кораблей можно было воевать только такими же ружьями, пушками и кораблями.

Н.А. Бердяев, усматривая нечто сущностно общее в Петровской и коммунистической России, писал: «Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» [1, с.12]. Желание, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «резко и радикально изменить тип цивилизации» было продиктовано, скорее всего, не неудовлетворенностью своей принадлежностью к той цивилизации, к которой принадлежал российский народ и государство, а с ней неизбежно и культурного своеобразия, которое можно

было сохранить, не дать поглотить собственную культуру другой культурой развивая собственную индустрию. Н.А. Бердяев писал со всей определенностью: «Доктрина о Москве, как Третьем Риме, стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определялась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры» [1, с.9]. Отметим, что с православной или коммунистической верой неизбежно распространились весь комплекс идей, сопутствующих вере, а также культура в целом.

Таким образом, первое – с момента вхождения Кыргызстан в состав Российской империи для кыргызского этноса начался принципиально новый этап в его истории, связанный с тем, что кыргызы оказались с этого момента в пределах индустриальной цивилизации, что определило в целом дальнейший ход их исторического и цивилизационного развития; и второе обстоятельство – советское государство, несмотря на то, что в нем был ликвидирован институт частной собственности, прежняя социальная база, буржуазная система права и т.д., продолжила на новой социальной, политико-правовой, идеологической и хозяйственной основе курс индустриального развития страны, а также в целом ассимиляторскую культурную политику. Оба эти обстоятельства не только позволяют нам, но и обязывают объединить царский и советский периоды в один – индустриальный российский. И именно в этот период кыргызский этнос начал реально переходить из этнического состояния в нацию.

Непосредственно перед включением в состав России основная масса кыргызов и их территории подчинялись Кокандскому ханству. Включенность в состав ханства для кыргызов, лишенных собственной государственности, была вынужденной. Дело в том, что практически все кочевые государства, незави-

симо от того, какой именно этнос или группа этносов возглавляла его, возникали только при условии обязательного превосходства в военной силе кочевого этноса или группы этносов. И кочевое государство, не опираясь на собственный производственный потенциал, в силу его низкой эффективности, неизбежно исчезало или целиком подчинялось другому государству, если военная мощь кочевников по тем или иным причинам утрачивалась.

Кыргызы вынуждены были подчиниться власти хана и его администрации, которая осуществляла управление типично средневековыми, деспотичными и жесткими методами. И только по причине родоплеменной разобщенности кыргызов, раздираемых постоянными междоусобицами, Кокандское ханство поддерживало свое господство на кыргызских территориях, которое, однако, не носило абсолютного характера, поскольку, как отмечают С.М. Абрамзон и Л.П. Потапов, ни родоплеменная борьба феодалов за власть и пастбища, ни даже временные ханские объединения не затрагивали основ социально-экономического строя военно-административных или государственных объединений кочевников [3, с.35], что приводило к тому, что, как указывал Ч. Валиханов, «власть Коканда над киргизами слаба, и они мало слушаются хакимов, особенно в последнее время» [3, с. 379]. При этом, как подчеркивал современник Кокандского ханства Г.С. Загряжский, «разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся» [4, с. 12], поскольку каждый родоправитель, будучи полновластным хозяином в своем роду, повелевающим жизнью и смертью своих соплеменников, кровно был заинтересован в поддержании существующего порядка, в котором, однако, были заинтересованы и другие члены общины, так как это обеспечивало определенную независимость от кокандской власти. Кочевое население ханства, и не только кыргызы, имело свое управление, в которое местная ханская администрация особенно не вмешивалась. Кыргызы и казахи подчинялись своим родовым старшинам в лице манапов, биев, торе и аксакалов, которые не управлялись наместниками хана – хакимами и беками вилайетов и по большинству дел, непосредственно подчиняясь хану или высшим сановникам, прямо

обращались к ним [5, с. 10]. Таким образом, главы родов и племен, непосредственно заинтересованные в сохранении своих исключительных прав, как, впрочем, и все члены родов и племен, правда, несколько иным образом и по иным причинам, были носителями центробежной силы во взаимодействии между другими кыргызскими родами и племенами. Однако устойчивости родоплеменного устройства кочевого населения в значительно большей мере способствовала исторически обусловленная специфика экстенсивного скотоводства кыргызов, вынуждавшая их постоянно перемещаться в пространстве, чтобы поддерживать свое существование. Таким образом, реальные жизненные условия, породившие к тому же устойчивые привычки и традиции, исключали или во всяком случае делали чрезвычайно неустойчивыми и условными территориальные связи между племенами, в то время как родоплеменная принадлежность, проверенная длительной совместной исторической практикой, была стабильной [6, с.38-39]. Таким образом, включенность в земледельческое государство кыргызов, в котором они выступали в качестве подчиненного элемента, не способствовала их консолидации в единый этнос. Единению кыргызов не способствовал даже в целом конфликтный характер взаимоотношений между оседлой и кочевой частями населения ханства.

В.В. Вельяминов-Зернов описал следующим образом один из моментов конфликта, произошедшего между сартами и кипчаками, свидетелем которого он был: «Коканд обратился в обширную лобную площадь, где ежеминутно умертвляли кипчаков. Правительство нарочно для народа, который тешился мучениями своих прежних властелинов, придумывало самые жестокие роды казни» [6, с.26]. А.П. Федченко, описывая те же события, подчеркивал, что «кровь лилась буквально ручьями. Хан приказал с корнем уничтожить “чертово племя”» [7, с. 41]. Две группы населения – оседлые кокандцы и кочевники, по его словам, почти непрерывно боролись в ханстве за власть, при этом всякий переворот в Коканде сопровождался резней, насилием, грабежом имущества побежденных [7, с. 195].

Одним из самых масштабных, жестоких и кровопролитных конфликтов, произошедшим между оседлой и кочевой частью населения ханства, стало восстание, начавшееся в апреле 1873 г. Оно достаточно подробно описано в Истории Кыргызской ССР, в которой указывается, что весной 1873 г. «к кыргызам, кочевавшим на юго-востоке Коканда, явились ханские зякетчи и потребовали от них уплаты зякета и хараджа, размеры которых были увеличены в 3 раза. Кыргызы решительно отказались от уплаты налогов, избили приехавших к ним сборщиков, несколько зякетчи было убито, а имущество и скот, собранные с местного населения, отобраны восставшими» [8, с.350]. Для усмирения взбунтовавшихся правителем Кокандского ханства Худояр-ханом на место конфликта был отправлен карательный корпус, активные действия которого привели к тому, что «20 тыс. кибиток кыргызов и 10 тыс. кибиток кипчаков вынуждены были бежать в предгорья Кашгар-Даван, в местности Кирлик и Хазараты, которые считались неприступными для кокандских войск» [8, с.350]. Предгорья, в силу сложности рельефа, обеспечивающей трудную проходимость, с одной стороны, спасали спасению беженцев, а с другой – препятствовали их единению с другими родами и племенами, которые предпочитали решать свои проблемы самостоятельно, не видя в бедственном положении первых общих проблем, не находя их, по всей видимости, собственными. Возможность менять свои кочевые стоянки означала для многих родов возможность уходить от сложных проблем. А с момента присоединения северных кыргызских земель к Российскому государству некоторые рода перекочевали на территории, отошедшие к новой метрополии. Так, нарынский род бурукчи, «вследствие бывших в Кокандском ханстве беспорядков передвинулся на Джумгал, а затем осенью 1865 г. запросился на р. Кашкару в российское подданство» видя в нем спасение для себя [9, л. 5-9]. Таким образом, жизнь кыргызских родов и племен в пределах Кокандского ханства не возымела сколько-нибудь серьезных последствий для них в плане их общности, характера и масштаба идентичности, которая, как и раньше, имела локальный характер и в сознании индивидов была сосредоточена, а возможно, и ограничивалась их родоплеменной принадлежностью. Каждый

кыргызский род и племя на деле представляло собой государство в миниатюре, при этом власть родоправителя, основывавшаяся на патриархальных принципах и началах, в целом представляла интересы рода, что дало основание некоторым исследователям быта кыргызского населения того времени считать родоправителя не как выразителя отвлеченного принципа власти, а как старшего между родственниками, живого и деятельного представителя, защитника и регулятора родовых интересов, когда «в простейшей форме общезнания – родовой – кочевники находили не только защиту от врага, но и взаимную поддержку в беде и нужде: находили, следовательно, крепкую нравственно-экономическую связь» [14, л. 493]. И не было на первый взгляд реальных оснований изменять такой порядок вещей, который к тому же был освящен многовековым, хорошо проверенным опытом. Однако включение многих кыргызских племен в состав земледельческого государства означало, пусть и относительно медленный, но переход к иным формам хозяйствования, а с ними и к новым формам жизни, связанный с оседанием на земле, а кроме того, массовым переходом в мусульманскую веру. Данный процесс мог затянуться на многие десятилетия, однако очевидно, что он был инициирован и ускорен присоединением значительных по размерам кыргызских территорий к Кокандскому ханству. Присоединение способствовало формированию новой кыргызской идентичности через систему религиозных взглядов и представлений. В традиционную кыргызскую среду стал интенсивно внедряться ислам. Как указывает М. Абдылдаев: «В это время основными центрами подготовки служителей мусульманского культа были “кочующие школы” ... грамота распространялась бродячими муллами ... Под их руководством в 1883 г. обучалось ... 3878 человек, а в 1886 г. число обучавшихся составило 4676 человек... Спустя два года число учащихся увеличилось до 8856 человек... Одновременно росло число мечетей и школ при них. Так, если в 1885 г. мечетей г. Караколе было 3, а в Иссык-Кульском уезде – 1, то в 1902 г. в Пишпекском уезде было 16 мечетей с 16 школами и в Пржевальском – 6 мечетей с 6 школами. В них обучалось 1007 человек ... Кроме “передвижных школ”, существовали организованные

мектебы, преимущественно в оседлых поселениях» [10, с.41]. «Большинство из них, – продолжает М. Абдылдаев, – находилось на юге Кыргызстана, где преобладало узбекское население. Так, в 1903 г. в г. Оше функционировало 26 мужских мектебов и 17 женских. В 1908 г. по Ошскому уезду насчитывалось 31 женский и 141 мужской ... мектеб, а в 1914 г. уже было 229 мектебов с 3170 учащимися... То же самое следует сказать о медресе. В 1914 г. в Ошском уезде насчитывалось 88 медресе с 1178 учащимися, в том числе в г. Оше 5 с 200 учащимися, в то время как в Пржевальске имелся лишь один медресе» [10, с. 41].

В связи с характером распространения ислама в Кыргызстане следует обратить внимание на два обстоятельства, первое из которых связано со значительной скоростью распространения и внедрения в сознание кыргызов мусульманского вероучения, а второе – с различным количеством религиозных учреждений и, соответственно, верующих на юге и севере Кыргызстана, что отчасти объясняет и современное некоторое объективное отличие юга от севера республики, в различных частях которой кыргызский этнос «переживал» разную историю. Но, как бы там ни было, внедрение единой веры в традиционном кыргызском обществе, безусловно, способствовало формированию единой кыргызской идентичности, т.е. если и не приводило непосредственно к созданию единому кыргызскому народу, то во всяком случае подготавливало для этого благоприятную почву. Создание единой веры, а с ней единой системы идей, т.е. идеологии, является необходимым условием формирования новой формы общности, следующей за простым племенным союзом.

Но вхождение Кыргызстана в состав Российской империи, означавшее, помимо всего прочего, включение в новую – индустриальную по своей сути, как мы выяснили ранее, – цивилизацию, в которой время, сообразно производственным процессам, текло значительно интенсивней, чем в границах прежней, традиционной, культуры, не только ощутило ускорило процесс оседания, но и привело существенной цивилизационной трансформации, опасность, болезненность и нежелательность которой искренне и эмоционально

отображена в творчестве заманистов, которые в советское время, сообразно требованиям официальной интернационалистской идеологии, были обвинены в национализме, что, к слову сказать, в принципе не расходилось с истиной. Однако национализм заманистов не был оголтелой ненавистью, бессмысленной неприязнью к чужакам, пришлым людям, он представлял собой естественную и неизбежную реакцию на быстро и непредсказуемо меняющуюся действительность, в которой стремительно и безвозвратно исчезал привыч-

ный и понятный порядок вещей, а новый порядок, отрицая старый, отрицал вместе с ним и людей, которые внезапно стали ни к месту и ни ко времени. В традиционное культурное пространство, которое удавалось до сих пор сохранять относительно замкнутым и самостоятельным, напористо и мощно вторглась иная культура, которая со временем должна была вытеснить исконную, при этом вытеснение с необходимостью принимало характер и форму тотальности, когда захватывалась не только культурная сфера, но и все, что ей сопутствовало.

Литература.

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 12.
2. Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников). – М.: СЭ, 1975. – № 6. – С. 35.
3. Валиханов Ч. Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1961-1965. – Т. 2. – С. 379.
4. Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда // Туркестанские ведомости, 1873. – № 9. – С. 12.
5. См.: Сооданбеков С.С. Общественный и государственный строй Кокандского ханства. – Бишкек, 2000. – С. 105.
6. Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников). – М.: СЭ, 1975. – № 6. – С. 38–39.
7. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. – СПб., 1873. – Т.1. – Ч. 2. – С. 41.
8. История Киргизской ССР. В 2 т. – Фрунзе, 1968. – Т. 1. – С. 350.
9. АВПР, СПб., Главный архив, 1–7, 1866, д. 1, л. 5–9.. 14. Колпаковский Г.Л. Особое мнение об основах местного управления киргизов. – ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1871, д. 25, л. 493.
10. Абдылдаев М. Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек: Илим, 1991. – С. 41.